

лал крупный дар Екатеринбург, подарив городу усадьбное место со всеми постройками. Стоимость земельного участка и недвижимости была равна 50 тыс. руб. В 1897 г. материальная помощь со стороны Рожнова позволила начать переоборудование Екатеринбургского Свято-Духовского (Златоустовского) храма.

В эти же годы М. Ф. Рожнов потратил немалые средства на благотворительность за пределами Урала. Им была основана в Кадоме богадельня на 50 человек. В 1896 г. Рожнов пожертвовал 100 тыс. руб. на сооружение собора в том же Кадоме. Не забыл он и другой город, с которым его связала судьба – Бугуруслан. Точная сумма его пожертвования неизвестна, но она позволила основать в Бугуруслане монастырь. Благотворительная деятельность М. Ф. Рожнова вызвала одобрение у современников и принесла ему широкую известность, плодами которой он не успел насладиться. 12 июля 1898 г. Михаил Федорович скончался.

М. Ф. Рожнов являлся одним из наиболее успешных предпринимателей, занимавшихся винокурением и виноторговлей.

¹ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 4075. Л. 4.

² Там же. Л. 24.

³ Указатель фабрик и заводов европейской России и Царства Польского. СПб., 1887. С. 565.

⁴ Календарь Пермской губернии на 1883 г. Пермь, 1883. С. 10.

⁵ ГАПО. Ф. 111. Оп. 2. Д. 116. Л. 62.

⁶ Там же. Д. 134. Л. 36.

⁷ *Спешилова Е.А.* Старая Пермь. Пермь, 1999. С. 445–446.

НЕКЛЮДОВ Е.Г. (Екатеринбург)

Проблема «многовладения» в практике уральских заводчиков первой половины XIX в.

«Многовладение» – широко распространенное явление, свойственное развитию частного предпринимательства. Оно возникает или изначально, или чаще всего при смене поколений владельцев и становится одним из факторов, влияющих на развитие хозяйства. Это явление уже достаточно отчетливо проявилось в жизни современной России, вновь вставшей на путь рыночной экономики с присущим ей частным предпринимательством. Небесполезно в этой связи приглядеться к историческому опыту и понять, каковы были последствия «многовладения» и как реагировали на него собственники промышленных хозяйств.

В отечественной историографии отсутствуют специальные работы, посвященные проблеме «многовладения», что в целом является следствием недооценки «личностного» фактора в экономическом развитии страны, аспектом которого она является. Пример истории уральских горнозаводских округов, рассмотренной под этим углом зрения, на наш взгляд, оптимален, поскольку в отличие от более характерных для России аграрных хозяйств, которые, как правило, легко делились на самостоятельные части при переходе по наследству, округа представляли собой многоотраслевые территориально-хозяйственные и социально-экономические комплексы, которые не могли быть разделены без ущерба для производства. Они являли собой особый вид «нераздельной» собственности, введенный законом 1762 г. Когда округа оказывались во владении нескольких лиц, собственность принимала форму «общего владения», в котором каждому «участнику» принадлежала установленная законом доля стоимости всего имущества.

Для анализа «многовладения» особо ценна история уральских горнозаводских округов первой половины XIX в., когда, во-первых, после длительного и сложного периода формирования, округа сложились в своих естественных и неделимых границах, и, во-вторых, когда история владения ими стала в полном смысле слова «родовой», пройдя путь в несколько (от 2 до 6) поколений владельцев, и во многих случаях приобрела «многовладельческий» характер. По нашим подсчетам, из 50 уральских горнозаводских хозяйств, существовавших в первой половине XIX в., 44 (т. е. 88 %) имели в своей истории одновременно от 2 до 32-х владельцев.

Реконструированные практики владения всех родов уральских заводчиков свидетельствуют, что в преобладающем большинстве случаев последствия этого оказывались негативными. В рассмотренный период известны лишь несколько примеров «мирного сосуществования» владельцев (в частности, сестер Яковлевых во владении Алапаевскими заводами, Сергея Михайловича Голицына и его племянников во владении Нытвенскими заводами и несколько других). Но и такие случаи были лишь временным явлением, прекращавшимся на следующем витке эволюции рода, когда менялась комбинация психологических типов владельцев, зачастую делавшая невозможным согласие между ними.

«Многовладение» неизбежно приводило к необходимости делиться доходами, что создавало повод для споров. Случалось, что разногласия совладельцев из-за дележа денег выливались в острые и длительные семейные конфликты, негативно влиявшие не только на отношения между родственниками, но и на деятельность заводов. Нам известно о 15 таких случаях, наиболее ярким из которых можно назвать длившийся полвека конфликт между первоначально девятью наследниками владельца Сысертских заводов А. Ф. Турчанинова, где ведущую роль играла его непримиримая дочь

Н.А. Колтовская, известная «Колтовщина» бажовских сказов. Результатом этой вражды явилось финансовое «расстройство» заводов, которые государство вынуждено было взять в казенное управление. Тем же результатом завершился конфликт между двумя дочерьми купца Расторгуева М. Л. Харитоновой и Е. Л. Зотовой, совладелицами Кыштымских заводов.

Конфликт двух групп владельцев Шурминско-Залазинских заводов, наследников И. А. Мосолова, хотя и не привел к банкротству, но до предела обострил социальные отношения в округе. По мере развития в него втянулись не только заводоуправление и казенные чиновники, пытавшиеся «восстановить спокойствие», но и заводское население, когда муж одной из владелиц контр-адмирал И. П. Карцев инициировал своего рода «волнение» рабочих с целью захвата власти. Все это подорвало авторитет владельцев в глазах и властей, и рабочих.

Острый семейный конфликт между Иваном и Христофором Лазаревыми с их братом и совладельцем Лазарем продолжался без малого 45 лет и был прекращен только благодаря посредничеству влиятельных лиц и огромным денежным издержкам потраченным на выдел брата, и значительно увеличившим финансовую «нагрузку» на принадлежавший Лазаревым Чермозский округ.

«Многовладельческие» имения, как правило, сталкивались с неизбежным усложнением управления, когда на заводы назначались управляющие от каждого совладельца или группы совладельцев. Попытки договориться и установить «единственное» управление, как правило, проваливались из-за возникавшего недоверия по поводу принятых решений и распределения доходов. Известны случаи двух- и даже трехчленного управления (у Яковлевых, Турчаниновых, Мосоловых, Ярцовых, Расторгуевых). В Сысертском округе, принадлежавшем двум враждовавшим группам совладельцев, казне пришлось даже включить в состав заводоуправления третьего члена от местной дворянской опеки, который должен был контролировать решения двух управляющих и примирять интересы их доверителей.

Следствием «многовладения» при отсутствии единства управления становилось также финансирование заводов из нескольких «источников», что вызывало порой общий сбой этой важнейшей функции управления. Так, виновниками постоянного бюджетного дефицита старейших на Урале Невьянских заводов в 1850-е гг. были признаны 16 владельцев одной из трех частей владения, в целом в котором участвовало тогда 32 лица.

Таким образом, представляя опасность своими вполне предсказуемыми негативными последствиями, «многовладение» превращалось в проблему, которую необходимо было преодолевать. Для этого заводо-владельцы практиковали различные способы в рамках (а порой и за рамками) предоставленных законом возможностей. От того, удавалось ли им

успешно справляться со своими владельческими функциями, во многом зависело не только дальнейшее развитие округов, но и определялись перспективы самих заводовладельцев в этой роли.

Из предпринимаемых мер были распространены т. н. «предварительные» разделы между наследниками еще при жизни владельца (как, например, у Пашковых в 1803 г. или Белосельских-Белозерских в 1830 г.), денежные и/или «натуральные» «выделы» совладельцев (как у Лазаревых в 1840 и 1860 гг., «фрединских» Демидовых в 1852 г. или Лавалей в 1850 г.), учреждение майората (как у Строгановых в 1817 г.), добровольные передачи владения одному наследнику с правом получения фиксированного дивиденда (как у «тагильских» Демидовых в 1861 г.), разделы округов без дробления заводов (как у Губиных в 1838 г.) или с «раздроблением» на самостоятельные части (как у Всеволожских в 1848 г.). Наиболее «безболезненными» для заводов и заводчиков оказывались либо «натуральный» «выдел» совладельцев, либо раздел округов. Но воспользоваться этими вариантами могли только те немногочисленные заводчики, во владении которых оказывалось несколько округов или равная по доходам или ценности с заводами неза заводская собственность – вотчины, дома, лавки и пр. Различные варианты денежного «выдела», включая и близкий к нему майорат, обременяли заводы значительными непроизводственными расходами и могли негативно влиять на их развитие. Фактический раздел Пожевского округа, как показал печальный опыт Всеволожских, привел к банкротству владельцев и потому оказался единственным в первой половине XIX в.

Применение, помимо юридических, «рыночных» механизмов при «многовладении» наталкивалось на фактически непреодолимые препятствия. Так, скупка «частей» совладельцев, которую тогда опробовали наследники А. Ф. Турчанинова, не давала быстрого результата. Даже через 80 лет правнуку Турчанинова Д. П. Соломирскому удалось перекупить у совладельцев только $\frac{4}{5}$ участия в Сысертских заводах. Продажа частей «на сторону», предпринятая «кагинскими» Демидовыми, потребовала общего согласия совладельцев, чего по разным причинам достичь никак не удалось. Так и не добившись примирения между ними, казна сначала вынуждена была установить опекуновское управление, а после его неудачи продать Кагинские заводы с публичных торгов в 1855 г.

Сложности осуществления разнообразных «частных» вариантов предопределили поиски решений, подкрепленных государственной гарантией. Власти так же, как и владельцы, были заинтересованы в стабильном функционировании заводов (что становилось проблематичным при «многовладении»), поскольку получали немалый доход в виде довольно высоких горных податей, которые шли на финансирование казенной военной промышленности. Острота проблемы вызвала даже ее об-

суждение в правительстве, где в 1840–1850-е гг. неоднократно поднимался вопрос о том, «как возможно удерживаться от раздробления управления горнозаводскими имениями, ведущему к расстройству оных». Но власти не смогли составить единых для всех «общих правил», разумно предложив решать проблему с их участием и особо в каждом конкретном случае. В этом контексте вовсе не случайными выглядят попытки создания в 1850-е гг. семейно-паевых товариществ, подтвержденных санкцией верховной власти (этот способ первыми опробовали «ала-паевские» Яковлевы в 1858 г.), а также установление концессионной формы учреждения акционерных компаний в России (1836 г.), создание которых попутно решало проблему управления при «многовладении».

Подводя итоги, отметим еще раз, что одним из следствий повсеместно завершившегося на Урале к началу XIX в. процесса формирования горнозаводских округов и эволюции родов заводовладельцев явилась актуализация проблемы «многовладения». Будучи составной частью «личностного» фактора развития промышленности, «многовладение» оказывалось, по сути, существеннейшим его элементом, фактически неизбежно отрицательно влиявшим на развитие хозяйств и наиболее сложно регулировавшимся. В этом, на наш взгляд, и заключались две «стороны» («практическая» и «юридическая») феномена «многовладения». Зачастую оно не только до предела обостряло внутрисемейные отношения, но и ставило заводы на грань финансового банкротства. Это в свою очередь приводило к установлению над заводами различных форм казенного или общественного контроля (казенного присмотра; казенного, опекунского, конкурсного или кредиторского управлений; попечительства) и даже продаже с публичных торгов.

Осознавая негативные последствия «многовладения», заводовладельцы выработали и практиковали разные способы решения проблемы, в т.ч. с середины XIX в. и с помощью государства. Но сложности их осуществления предопределили то, что наиболее распространенным в первой половине XIX в. оставался все-таки «долевой» раздел заводов (50 из 78 учтенных случаев, или 64 %), который как раз и приводил к возникновению «многовладения». В итоге обострившиеся в первой половине XIX в. проблемы владения заводами так и не были устранены и достались в наследство следующему периоду истории уральской горнозаводской промышленности, в отдельных случаях усугубив присущие ему кризисные явления.